

Вадим Сухачевский

16+

Превыше всего!

Железнодорожный детектив

Вадим Сухачевский

Превыше всего!

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сухачевский В. В.

Превыше всего! / В. В. Сухачевский — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Железнодорожный детектив на фоне революции 1905 г. Герой повести Конышев преследует похитителя детей по кличке "Черный Аспид". Еще один персонаж – старый генерал, весьма забавная личность. Вместе они гонятся за Аспидом сквозь революционную Россию, им предстоит пройти через множество опасных приключений. О том, кто же такой в действительности Аспид, выясняется лишь в самом конце.

© Сухачевский В. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Предисловие Юрия Васильцева,
Председателя Тайного Суда

Эти записки неведомого мне палача Тайного Суда Георгия Петровича Конышева, судя по всему, сильного человека, отважного воина, хотя и – уввы – не слишком удачливого сыщика, я обнаружил спрятанными за печкой в доме, где жил мой отец и где прошло мое детство. Сии бумаги, судя по описываемым в них событиям (печальным, порой кровавым, а иногда и забавным) относились к времени, когда ваш покорный слуга пребывал еще во младенческом возрасте.

После других записей (те принадлежали моему отцу, также когда-тошному председателю Тайного Суда Андрею Васильцеву), у меня возникла мысль оставить после себя архив той организации, к которой волею судеб я и сам нынче принадлежу. Для этого у меня теперь накопились и другие бумаги, ждущие своего часа.

Текст г-на Конышева, несмотря на некоторые старомодные обороты, словоерсы и галлицизмы, я оставил таким, как он был, лишь иногда – да простится мне эта вольность! – иногда заменял некоторые порой длинноватые объяснения автора, просто вставляя на их место выдержки из газетных или журнальных публикаций той поры, если они оказывались емче его длительных рассуждений; иной же раз просто вставлял отрывки из документов того времени, которые вообще всегда лучше передают сам запах времени, чем барахтающийся в этом самом времени человек. Некоторые подобные документы частично истлели и попортились по краям, но от этого едва ли утратился их смысл, я же вставил их сюда в том самом виде, в котором тем или иным образом обрел.

Также прошу простить, что изредка допускал собственные восклицания посреди текста, хотя я осознаю, что довольно нелепо мое присутствие в этом повествовании о временах, когда вашего покорного слуги даже на свете еще не было.

Для удобочитаемости Ваш покорный слуга позволил себе разбить текст на главы в меру своего скромного понимания гармонии, – снова же, да простит меня покойный! А поскольку некоторые имена и понятия также истлели с тех пор, местами я дал свои пояснения и комментарии.

То же обстоятельство, что в конце повести появился и мой отец, придало мне сил и заставило проделать всю работу с бережностью и старанием.

Итак, как порою говорили литераторы встарь: «За мной, Читатель!»

Юрий Васильцев, 1958 г.

Из записей Г. Конышева

1-я глава

О Тайном Суде. – Пенсионер британской короны. – «Черный Аспид». – Одесская трагедия. – Я принимаю решение.

В октябре того страшного для России 1905 года я во второй раз в жизни очутился в Одессе. Впервые мне удалось здесь побывать два года назад, тоже, помню, в октябре, и просто влюбился в этот прекраснейший город империи, с его фонтанами, с его великолепными зданиями, с его благоухающими каштанами, с его неповторимо колоритной речью. Базары просто затягивали в себя запахами фруктов, и итальянская лепнина с вазами, полными винограда, на фронтонах зданий не смотрелась здесь так противоестественно, как в холодном Петербурге, близ которого чему-либо путному просто противоестественно произрастать.

Увы, после девяти месяцев всероссийской смуты ни фонтаны, ни ароматы, хоть и ничуть не убавили своей прелести, но уже не вызывали того восторга – было не до него, поминутно надо было держать ухо востро. В городе постреливали – за ослаблением государственной власти его попеременно прибирали к рукам, с одной стороны, знаменитые одесские налетчики, с другой – набиравшие силу анархисты. Все чаще можно было услышать вопли и визги – это уже начинались еврейские погромы, вдобавок по ночам на город, и без того с уголовной славой, обрушивались банды с юга Бессарабии, возглавляемые неким Котовским, говорят, отчаяннейшим бандитом. Но дело, по которому Тайный Суд и направил меня в Одессу, было мерзостнее всего здесь происходившего (как-нибудь попутно, может быть, со временем упомяну и о нем), и постоянные мысли о нем не давали мне ни на миг отвлечься ни на творящиеся беспорядки, ни на красоты города.

Надобно сказать, что с этим делом вашпокорный слуга успешно справился, однако оно немедля переросло в другое дело, как выяснилось потом, еще мерзкое и несравнимо более опасное; вот о нем-то далее и пойдет речь.

Коли я, однако, упомянул о Тайном Суде, то надобно бы поведать и о его истории...

* * *

Опускаю объемное повествование господина Конышева о Тайном Суде и вместо него привожу отрывок из статьи, доставшейся мне от бедного Борисочкина, нашего покойного архивариуса. Я уже приводил его однажды, но сомневаюсь, что даже в наши вегетарианские времена та рукопись попадет ко многим в руки. Перед прочими каюсь за повторение. –Ю. Васильцев.

...что возник он еще в древние времена, ибо законная власть далеко не всегда является залогом истинной справедливости.

...но, пожалуй, первые относительно надежные сведения о нем относятся примерно к XVI веку...

...Интересны слова, которыми Тайный Суд определял свои приговоры. Это «палка» (Stock), «камень» (Stein), «веревка» (Strick), «травя», (Gras) «страдание» (Grein). И не было вельможи, который не приходил бы в трепет, увидев эти зловещие пять букв – S.S.S.G.G – на стене или на потолке своего замка, как бы укреплен это замок ни был...

...судьбу некоего немецкого барона, который из похоти подвергал надругательствам и смерти крестьянских девушек из своих поместий. Буква «S» («Stock») была начертана у него на потолке, а через день его нашли в лесу прибитого палкой к земле...

...сей французский маркиз надеялся найти убежище в Лувре. Увы, его нашли повешенным в сортире королевского дворца, и буква «S» («Strick») была начертана на стене...

...судьба венецианского патриция, поперхнувшегося камнем («Stein»), находясь в собственном кабинете...

...польского магната, морившего голодом своих крестьян. От приговора Тайного Суда он пытался спастись аж в Южной Америке. Его нашли в пещере в Южноамериканских Кордильерах. Умер он мучительной смертью от голода, ибо вынужден был питаться одной травой («Gras») в течение двух с лишним месяцев...

...В конце XVIII века один английский лорд, сказочно разбогатевший в Индии, решил возродить Тайный Суд и направил на это все свои огромные средства, таким образом, Суд смог просуществовать еще некоторое время...

...ибо, к счастью, в наши цивилизованные времена этот страшный Тайный Суд окончательно ушел в небытие...

(Здесь по сути все верно, кроме одного: Тайный Суд все еще существует и исполняет свою миссию. – Ю. В.)

* * *

Ко всему сказанному следует добавить, что посты в Тайном Суде, по традиции, передаются исключительно от отца к сыну, о чем ваш покорный слуга, как и самом существовании Тайного Суда до поры до времени, разумеется, духом не ведал. Столь же мало я ведал о физическом батюшке своем, ибо матушка моя, начитавшись г-на Чернышевского, считала себя свободной женщиной и родила меня вне брака.

Я не достиг еще и двадцати лет, когда матушка моя скончалась. Образование у меня было сугубо домашнее да и с изрядными прорехами, никаким ремеслом я не владел, наследство же оказалось весьма скудным: матушка, хоть и происходила из дворян и сама получила в наследство относительно немалое состояние, но (Бог ей судья) почти все умудрилась распылить на какие-то дела прогрессистского толка. Ох, я бы этого г-на Чернышевского, попадись он мне!..

Короче говоря, несколько лет я прослужил писарем в департаменте, благо, почерком обладал отменным, но вскоре понял, что ощущаю себя совершенно лишним в российской жизни, я не нашел для своих сил иного приложения как отправиться волонтером на начинавшуюся Англо-бурскую войну.

Что я привез с собой оттуда послетрех лет весьма кровавой войны, помимо пяти пуль, вырезанных из тела тамошними военными эскулапами, звания капрала британской армии и права на скромный от короля Георга? Еще – кое-какие навыки. К примеру, стрелять научился превосходно, стал неплохим следопытом, или, к примеру, мог ночью по запаху учуять шакала, рыскающего поблизости. Эта трусливая тварь может своими мощными челюстями откусить ногу спящему, а когда он истечет кровью – тут уж вся стая сбегается на пиршество. Или мог запутать следы, убегая от зулусов, которые страшнее любых накалов. Или невесть каким чутьем умел уловить приближение черного аспиды (по-зулусски «черной мамбы» – страшной африканской гадюки, смерть от укуса которой наступает через пять минут, а кусает она не с целью спастись от врага, а просто от избытка скопившегося в ней яда, переполняющего злобой.

Но поскольку Россия – не Южная Африка, то, вернувшись, я обладал не большими навыками для жизни здесь, нежели имел до своего отбытия.

Снова идти в писари мне, закаленному солдату, было теперь как-то не под стать. Некоторое время я выступал в цирке в роли, как было заявлено в афише, «русского Вильгельма Телля», сбивал пулей из револьвера яблоко с головы ассистентки; бывал и борцом (сам Иван Поддубный занимался совершенствованием моего искусства в этом деле и сулил мне на сем поприще неплохое будущее).

Вскоре, однако, мне все это прискучило, я бросил цирк; через месяц-другой я уверился, что жизнь моя – конченная, и напоследок всецело предался пьянству; лишь на то моего британского пенсионера и хватало.

Именно в таком состоянии меня и нашел Андрей Исидорович Васильцев, председатель Тайного Суда. Оказалось, незаконный мой батюшка (к слову, недавно погибший при весьма жестоких обстоятельствах) был никем иным, как палачом этого самого Суда, а поскольку должности там передаются исключительно по прямой мужской линии...

В общем, хотя Андрей Исидорович, не стал от меня скрывать, сколь опасна должность палача (который у них к тому же исполняет нечто наподобие роли судебного следователя), надо ли говорить, что предложения председателя я принял, не колеблясь ни секунды!

Кстати, предупреждения г-на Васильцева были не напрасны – за те три года, что я служу Тайному Суду, пришлось пройти через испытания порой не менее опасные, чем встреча с целым племенем людоедов-зулусов, а на теле у меня остались страшные отметины на месте вырванных кусков мяса. Но об этом – как-нибудь потом, потом...

В общем, я наконец обрел осмысленную жизнь, все мои благоприобретенные навыки оказались не напрасным хламом, посему считаю, что обязан Андрею Исидоровичу своим вторым рождением.

А теперь – о деле, с которым я был послан в Одессу. Это дело некоего негодяя по кличке (vous ne croirez pas!) как раз именно Черный Аспид. Впрочем, это прозвание не полностью отражало его сущность, ибо был он несравнимо подлее и опаснее, чем любая гадюка, переполненная ядом.

Первое его известное злодеяние было совершено три года назад, едва лишь я попал в Тайный Суд, и всколыхнуло тогда всю Россию.

* * *

Из журнала «Московский вестник» за 1902 год

...на ваши вопросы по поводу трагической гибели почти всей семьи действительного статского советника Николая Ионовича Каминского.

Свою единственную дочь Юлию, едва ей исполнилось 13 лет, Каминские отправили учиться в Швейцарию, и вот после долгой разлуки с родителями 18-летняя девушка возвращалась на родину. Радости родителей не было предела...

...Каким-то загадочным образом исчезла еще в поезде; тщетно встречали ее родители на Брянском вокзале...

...а в полученном ими письме содержалось требование: мол, если Каминские хотят увидеть дочь живой, то они должны немедленно собрать 100 тыс. рублей. И к ужасу их, в конверт был вложен отрубленный девичий мизинчик. Если же несчастные родители посмеют обратиться в полицию...

На сбор денег отпущалось всего два дня. Подписано страшное послание было: «Черная Аспид».

Г-н Каминский являл собою не бедного человека, владел хорошим домом в Москве и немалым имением под Сызранью, но ста тысяч за столь короткое время собрать не смог, поэтому все-таки вынужден был обратиться в полицию, тем более, что состоял в друзьях у самого московского градоначальника...

Полиция не нашла ничего лучшего, как соорудить «куклу» из великолепно выполненных подделок (читатель, возможно, помнит об истории с поимкой «Художника» – одного из самых мастеровитых фальшивомонетчиков в России), а в надежде на передаче этих «денег» злодея захватить...

От Ю.В.:

Добрую страницу, посвященную тому, какими сложными зигзагами передавались деньги, как опростоволосилась полиция при попытке захвата злодея; тому, как потом все же обнаружили в парке несчастную девушку с отрезанным пальчиком и пребывавшую не в себе оттого, что ее за время похищения постоянно пичкали морфином, – все это, так же, как восклицания журналиста о нерадивости нашей полиции, опускаю как не самое существенное для нашей истории.

Далее...

...однако то, что произошло тою же ночью, ужасом наполнило души людей. Видимо, обнаружив, что его надули при помощи «куклы», преступник решил отомстить, причем отомстить так, чтобы никому и никогда больше было неповадно...

...наутро увидели, что обнаруженные бездыханные тела господина Каминского, его супруги, двух ее сестер и четырех человек домашней прислуги вдобавок ко всему обезображены – лица исковыряны ножами, выколоты глаза, отрезаны уши, носы...

...Так же обнаружены трупы двух известных полиции московских воров, «Кольки Ржавого» и «Сени Разгуляя», оба были убиты выстрелами в голову. Вероятно, «Черный Аспид» нанял разовых «подельников» и без сожаления разделался с ними, чтобы никто его не опознал...

...Истинным чудом можно назвать спасение недавно похищенной Юлии Каминской. То ли под действием морфина, то ли что-то предчувствуя, она в ту ночь зачем то забралась под кровать и была не обнаружена злодеями. Но, к сожалению, и свидетелем ее назвать трудно, ибо ничего в ту ночь не видела, а во время своего пленения постоянно пребывала с повязкой на глазах...

...что даже бандитский мир Москвы содрогнулся от подобной жестокости и, по нашим сведениям, вынес этому Черному Аспиду смертный приговор...

...похищено же в доме было всего лишь...

* * *

...Да, похищены были только серьги и перстень убиенной г-жи Каминской не Бог весть какой ценности. Даже лежавшие в бюро у г-на Каминского 5 тысяч рублей золотыми деньгами остались нетронутыми. Стало быть, цель того ночного злодеяния Черного Аспида, действительно, была одна: сразу прогреметь своей жестокостью на всю империю.

И добился-таки, мерзавец, своего! С тех пор в других крупных городах России (а случаи такие позже успели произойти и в Киеве, и в Харькове, и в Нижнем, и в Ростове на Дону, и в Баку, и в Тифлисе) люди, получившие отрезанный палец или ухо своего похищенного чада, в полицию уже не обращались и немедленно выкладывали злодею требуемую им сумму.

Как правило, узнавалось о происшедшем лишь много позже, ибо потерпевши молчали, дрожа от страха. И во всех тех городах тамошний бандитский мир, узнав о том, немедленно выносил смертный приговор заезжему вурдалаку, поскольку подобные злодеяния отвратительны даже иным заядлым преступникам, так что, боясь их мести, сей Черный Аспид вынужден был постоянно гастролировать по всей России, дабы творить свои черные дела.

Последним же его посещением была не далее, как позавчера, отмечена Одесса, где я в эту пору как раз находился по совсем другим делам Тайного Суда (о которых уже вскользь упоминал), и вдруг весь город, несмотря на творящуюся вокруг революционную смуту, загудел совсем по иному, не связанному с революцией поводу.

У богатого тамошнего ювелира Соломона Гершмана внезапно пропал его единственный сын, девятилетний мальчик. Далее – как в других городах: пакет, в котором лежало отрезанной ушко ребенка и требование выкупа в 200 тысяч рублей.

Тут надобно, однако, сказать, что Одесса в некотором отношении сильно отличается от прочих городов империи. Здешний бандитский мир по своему влиянию не уступает (а то в чем-то и превосходит) и полицию, и даже Охранное отделение, а посему давно уже обложил данью всех местных богатеев (подобное явление, недавно распространившееся и в Северо-Американских Штатах, именуется там «racket»), оттого одесские бандиты ведут свою бухгалтерию и наблюдают за доходами и расходами тутошних богачей намного зорче, нежели фискальные органы. Собрать 200 тысяч для выкупа единственного сына было для Соломона Гершмана задачей вполне посильной, однако не поставить в известность об этом своих могущественных «покровителей» (а у него они были самими могущественными во всей Одессе) он просто никак не мог. Ну а уж те, считая деньги по сути своими, решили: пойти на сделку с каким-то залетным наглым вымогателем – это себя не уважать. В дело включился некий Мишка Япончик, восходящая звезда бандитской Одессы, и действовал о со своей бандой, надо признаться, гораздо

более умело, нежели московская полиция в деле г-на Каминского; однако же, чем дело кончилось?

Это был, говорят, единственный серьезный провал одного Мишки Япончика. На другой день ювелир Гершман получил рогожный куль, в котором покоились останки его мальчика, присланного расчлененным на куски. В тот же день люди Япончика обнаружили в одном из подвалов на окраине города фирменный, так сказать, знак Черного Аспида – двух его застреленных поделщиков, тоже залетных, поскольку никто из одесситов их не знал. Да никто из здешних и не пошел бы на такое злодейство. Снова отдам Одессе должное – даже еврейские погромы прекратились в те дни.

(Упомяну, кстати, что, по сообщениям, один из убитых залетных был черен как смоль, второй – блондин славянской внешности. Узнав об этой подробности, я вспомнил, что убитые после московского злодеяния в доме Каминских Колька Ситный и Сеня Разгуляй тоже имели совершенно противоположный друг дружке окрас: цыган Колька был жгучий брюнет, природный русак Разгуляй – блондин с голубыми глазами. Такая же разность мастей у убитых поделщиков Аспида наблюдалась и в других городах России, где он оставил свои кровавые отметины. Да, у этого упыря, безусловно, имелся какой-то свой эстетический стиль!)

Разумеется, все одесские бандиты, на этот случай объединившись, вынесли злодею, как было и в других городах, смертный приговор. Тут, в Одессе, где едва ли не каждый закуток в той или иной степени находится под надзором бандитской братии, отсидеться даже несколько дней наш Аспид не мог, и я не сомневался, что он, по своему обыкновению, поспешит немедленно покинуть город.

И вот тогда я, благо, находясь на месте, принял самостоятельное решение: самому с ходу включиться в это дело. Конечно, мое решение полностью противоречило уставу Тайного Суда, – а согласно этому уставу, Тайный Суд не мог вмешиваться в дела, которые относятся к ведомству государственных служб, занимаясь лишь теми, где эти службы сами покровительствуют преступнику; к тому же палач мог приступать к своим обязанностям лишь после того, как Тайный Суд в полном составе вынесет свой вердикт; – но тут просто случай был особый. В радивость полиции (особенно одесской) я ни мгновения не верил; куда надежнее было положиться на приговор суда бандитского, – но, как я чувствовал, этот Аспид и бандитов сумеет перехитрить; собственные навыки я верил гораздо больше, к тому же к аспидам у меня еще с Африки вообще свой счет: уж скольким я там, в Трансваале, поотрубал башки и не перечесть!

Дабы не совсем уж не пускать «под ноль» существующую в Тайном Суде субординацию, я все же особым шифром телеграфировал с Москву председателю Суда Андрею Исидоровичу Васильцеву о своих планах, но лишь в самых общих чертах, так что вмешаться в мои действия он теперь не имел возможности.

Конечно, Черный Аспид мог бы исчезнуть сразу же после своего злодеяния, тогда его ищи-свищи, но тут, как оказалось, в его планы вмешалась полыхающая по стране революция. Российские железные дороги уже начинали бастовать, из Одессы теперь отбывало только два поезда в неделю, один в Москву, другой в Петербург.

Едва ли Аспид рискнул бы дунуть в Москву, где, как и в Одессе, ему уже вынесен не подлежащий обжалованию бандитский приговор. Значит, оставался лишь Петербург, где его еще не так хорошо знали и где достаточно богатеет, чтобы он мог снова неплохо пожить. Ближайший же поезд на Петербург отбывал завтра в полдень.

Что ж, прокатимся туда вместе, господин Аспид, гадюка ты африканская!..

2-я глава

Приключение у железнодорожных касс. – Фима Бык, Майорчик и другие из армии Япончика.

Но тут оказалось, что мой план трудно осуществим. У вокзальных касс, ввиду редкости маршрутов, наблюдалось вавилонское столпотворение, но билетов ни на какое направление решительно не имелось, даже в третий класс. Моя первая пришедшая в голову мысль – проехаться на крыше вагона, – была не то чтобы вовсе уж невыполнима, и не такое перетерпывал; просто для поимки Аспида она мало подходила – уж он-то, я не сомневался, заранее обеспечил себя билетом; и что ж мне прикажете, заглядывать с крыши в каждое окно?.. Нет уж, увольте! Да и толку? В лицо-то я этого Аспида все равно не знал. Как же быть?..

От следующей неприятности, весьма существенной в моем случае, меня спасло мое вырабатывшееся и отточенное чутье. Еще миг – и мой бумажник со всеми деньгами (а было их более пяти тысяч) уплыл бы навсегда вместе со своим новым обладателем, субъектом пудов семь весом, с бритой наголо головой, одетым весьма щегольски по воровским меркам – в сапогах гармошкой, в заморском клетчатом пиджаке, с галстуком-бабочкой на бычьей шее.

Настиг я его, когда мы находились уже вне здания железнодорожных касс, мертвой хваткой я взял верзилу за плечо и потребовал:

– Бумажник.

От моей хватки он кое-как избавился, что говорило о его недюжинной силе, мало кому это удавалось, осклабившись золотыми зубами, полез лапищей в карман, но извлек оттуда вовсе не мой бумажник, а короткую заточку, именуемую у бандитов «перо», и огромным брюхом притиснул меня вплотную к стене.

– За что речь, месье? – продолжая склаться, спросил он. – Який такой бумажник? Такой, што ль? – Другой лапищей он достал мой бумажник и помахал им у меня перед носом. – Такой, што ли, дорогой лопатник, чтоб за его свою фраерскую жизнь отдавать?

Я старательно изобразил на лице немалый испуг, какой возник бы у всякого иного, если бы на него с «пером» в руке надвигались семь пудов мускулов, дурного нрава и недобрых намерений...

Человек я на вид отнюдь не богатырского телосложения; велико, должно быть, было его изумление, когда в следующий миг он сделал в воздухе кульбит, точно попал под лопасть мельницы, и впечатался своим здоровенным лбом в булыжную мостовую. Любой бы другой после такого (это мною уже не раз не однажды было проверено) минут на сорок переключался бы в небытие, но лоб у семипудового был, похоже, из какого-то особого материала – его обладатель все же изнатужился приподнять голову и, глупо моргая, взирал, как я перекладываю бумажник к себе в карман.

Я уже собрался двинуться прочь, но тут обнаружил, что сделать это, то есть по-тихому уйти, тоже потребует некоторых усилий (вполне, впрочем, выполнимых). Передо мной возник кордон из шести здоровяков, тоже вполне уголовного вида, каждый из них держал правую руку в кармане; в такой позе человек стоит, если в руке у него зажат револьвер. Седьмой, держал руки наружу; был он совсем юный и шуплый, но явно был у них за главара.

– Ну что, месье Аспид, поговорим за жизнь? – обратился он ко мне.

– Не здесь же, Японец, – вклинился один из тех шестерых. – Давай его – к тете Симе, я уже и пилу приготовил, хорошую такую пилку, кости пилить.

«Японец»!.. Вот он каков, оказывается, принц здешних бандитов!

Конечно, мне ничего не стоило в три секунды уложить всех, безотказный пистолет Люгера у меня всегда был при себе, выхватывать его я умею мгновенно, а промахов ни разу не допускал. Да мог запросто обойтись и без «люгера», они бы не успели и револьверы свои обнажить. Но вступать в войну с одесским криминальным миром было мне сейчас совершенно не с руки; во всяком случае, я решил пока повременить.

– Ты, Майорчик, с подсказками не лезь, – приказал Япончик, – куда везти и как его на кусочки разделявать – это я решать буду. – И снова обратился ко мне: – Увидишь, месье Аспид, что на кусочки резать – это не ты один умеешь.

– Вы не за того меня приняли, – спокойно сказал я.

Япончик усмехнулся (во рту у него тоже были золотые коронки, скорее всего, накладные – просто для бандитского форса):

– Ты что ж, думаешь, мы об каждого фраера руки мараем? Мы – не ты. Я, думаешь, зря Быка послал погладить твой лопатник? Хотел посмотреть за то, честный ты фраер, или залетный фартовый. За Быка я уверен – ни один фраер против него бы не попер, а ты вон как его ухайдакал. А за что это говорит? А за то это говорит, что залетный ты, и притом умелый. Это – ррраз! А за что говорит – что ты к кассам рванул? За то говорит, что ты поскорей смыться спешишь из Одессы-мамы. Это – два! Почему я сюда, к кассам, Бычка и послал. (Да, надо отдать ему должное, рассуждал и действовал он вполне разумно, не чета здешней полиции.) Ну всех залетных я здесь знаю, – продолжал он, – акромья Аспида. Вот, стало быть, и выходит, что ты – кто?.. Во-во!.. Да и в кармане поверх лопатника у тебя пушка просвечивает какая-то новомодная, не видал еще таких... Не-не, не показывай, я этих железяк как-то детства не люблю... – И подытожил: – Так что щас будем с тобой серьезно разговаривать за маленького Изю Гершмана, я в своем городе такого содома не допущу, век такие, навроде тебя, будут помнить и трястись со страху... – Он негромко свистнул в два пальца, и тут же подкатил запряженный крытый фургон. – Ну, – приказал он мне, – полазь первым, а там пушку свою ребятам моим сдашь, будь я не Миша Япончик, если она тебе еще когда пригодится.

Я не знал, что ответить. Увы, предстояло, видимо, вступать в боевые действия, чего делать мне ох как не хотелось! Сладить-то с ними – я, конечно, слажу, но иметь во врагах всю Одессу!.. Да и планы мои относительно Аспида такой разворот событий мог изрядно попортить.

Подмога пришла с неожиданной стороны. Один из подручных Япончика вдруг молвил:

– Миша, дозволю слово.

– Ну! – дозволил тот.

– Не-е, он не Аспид. Знаю я его.

– Не Аспид – тогда кто?

– Это он завчера вице-губернатора законопатил.

А вот это, действительно, было моих рук дело и моя обязанность как палача Тайного Суда, ибо сей вице-губернатор был известным извращенцем и растлителем малолетних, благодаря своему высокому званию не доступный для полиции и судебных следователей; лишь Тайный Суд мог остановить его злодейства.

Япончик пожал плечами:

– Аспид, что ли, этого «вице» не мог уконтропупить? Так, для удовольствия.

– Не-е, он не для удовольствия – он по правильному делу. Тот над детишками измывался, вот и получил. А Аспид не стал бы по правильному делу рисковать.

Насколько они все-таки были осведомленнее здешнего Охранного отделения!

– М-да, – подумав, произнес Япончик, – похоже за то. Так он – кто, революцёнэр, што ли?

– Да навроде...

На этот раз Мишка Япончик думал уже подольше и наконец сказал:

– С революцёнэрами мы не воюем – тоже ить не сегодня – завтра каторжане... Ну, коли так – нехай живэ... А если выйдет, что он все же Аспид, то ты у меня, Сивый, сам на распил пойдешь.

– Не-е, Миша, не Аспид, точно, не Аспид! – клятвенно заверил тот.

– Ну, нехай, нехай живэ.

– Живэ-то живэ, это нехай, – вставил тот, которого Япончик называл Майорчиком, – да за Фиму Быка с его спросить бы. Даже революцёнэрам не дозволено бдшку портить каторжанину бывшему.

– А за это пускай сам Фима Бык с его и спрашивает, коли хочет, – дозволил Япончик.

Но Фима Бык «спрашивать» с меня – во всяком случае, сейчас – был явно не намерен, он еще только-только сумел кое-как стать на четвереньки, на большее был пока не способен, и, стоя так, лишь помотал своей в самом деле бычьей головой.

– Ладно, время нет, – сказал Мишка Япончик, – потом спросишь. Давай, братва!..

Шестеро с трудом подняли Фиму Быка, еще не обретшего способность двигаться, и закинули его в фургон, затем влезли туда сами. Последним в фургон залез Мишка Япончик, опять свистнул в два пальца, и они тронулись.

К слову сказать, я в тот миг даже подумал, что попроси я – и этот самый Мишка Япончик запросто добыл бы для меня билет на Питер, похоже, не было для него в этом городе ровно ничего невозможного. Но, конечно, эта мысль была не серьезная да и постыдная. Вступать в панибратские отношения с бандитским миром!..

Нет, надо было искать какой-то иной выход...

И он, этот выход, внезапно наметился сам собой, пока оформившийся лишь в два слова: «его высокопревосходительство».

А что! мысль была, хотя при нынешних обстоятельствах и достаточно авантюрная, но, действительно, вроде бы недурная! По крайней мере, на настоящий момент единственная чего-то стоящая...

* * *

...не сомневается, что убийство одесского вице-губернатора, действительного статского советника Ивана Игнатьевича Хляпова совершено тем же злодеем, который днем позже совершил злодейское убийство малолетнего Израиля Гершмана, повергшее в ужас весь город...

...начальник Охранного отделения, которому ясно, что оба злодеяния совершены группой революционных анархистов, прячущих свои злодейские личины под залихватским наименованием «Черный Аспид»...

...а так же – до чего способны довести Россию господа революционеры, понявшие нынешнюю смуту и, безусловно, рвущиеся к власти...

* * *

...и сожжено лишь за истекшую неделю 22 помещичьи усадьбы. Всего же с января нынешнего года счет спаленным усадьбам перевалил за три сотни...

...В Иваново-Вознесенске, который, как известно, уже давно как бы выпал из состава Российской Империи, ибо тамошние рабочие изгнали представителей законной власти, и этим городом ткачей управляют некие самозванные «Советы»...

...также сообщают, что убит тульский полицмейстер г-н Сучков, бомбой в центре города подорвана карета иркутского ген.-губернатора, в которой самого ген.-губернатора в этот момент не было, а находилась в ней его супруга с двумя малолетними детишками.

Все трое разорваны на куски; контужено также несколько прохожих...

Otempora, omoris!

* * *

...По Одессе ходят слухи, что один из двух оставшихся железнодорожных рейсов, тот, что на Москву, в ближайшие дни тоже будет отменен.

Вообще власть на железных дорогах империи, похоже, с некоторых пор уже принадлежит не Министерству путей сообщения, а т. н. «Всероссийскому железнодорожному союзу» (ВСЖ), возглавляемому анархистами всех мастей. Именно московское бюро этого самого ВСЖ, по нашим сведениям, распорядился перекрыть Москву по всем направлениям.

Говорят, с.-петербургское бюро ВСЖ намеревается также перекрыть движение на столицу Империи.

...Предотвратить железнодорожную катастрофу правительства, судя по всему, нет никаких возможностей, а при учете гигантских размеров Империи, все понимают, сколь это для нее губительно...

* * *

...в результате управление одесской дороги известило, что билетов на курьерский, идущий в Санкт-Петербург, больше продаваться не будут за их полным отсутствием.

Даже богатейшие люди Одессы (в основном еврейской национальности) за бешенные деньги перекупают билеты в третий класс, ибо, по слухам, в Санкт-Петербурге пока нет еврейских погромов, но и у одесских спекулянтов все имеющиеся у них (скупленные наверняка заранее) билеты, похоже, на настоящий момент окончательно иссякли...

* * *

Из революционной газеты «Вперед!»

...Нет, не простит господам Романовым наш многострадальный народ ни виселиц, ни нищеты, ни японской бойни, ни ходынской трагедии!..

...Мы воочию наблюдаем, как Российская Империя доживает свои последние дни.

...что лишь поспешное бегство может спасти императора и его семейство от народного мщения.

...все питерцы знают, что в Финском заливе, близ С.-Петербурга, уже стоит на рейде личная яхта императора «Штандарт», готовая к отбытию в Англию.

Поможет ли?

Не более, чем отсутствие в России парламента и запрет политических партий...

...каждому ясно, что судьба империи решается именно в эти октябрьские дни!..

Вперед же, товарищи! Победа за нами!

Троцкий

* * *

Русь, твой Бог повторно распят.

От пожаров – дым трубой.

Русь Святая, черный аспид

Распростерся над тобой!

3-я глава

Его высокопревосходительство держит оборону. – Слезы вавилонские, эмансипация и синематограф. – Моя проблема решена! – Новоиспеченный штабс-капитан.

Еще перед моим отбытием в Одессу председатель Тайного Суда Андрей Исидорович Васильцев снабдил меня рекомендательным письмом к проживающему здесь отставному генералу от артиллерии, его высокопревосходительству Валериану Валентиниановича Богоявленскому, которому он, Васильцев, не раз оказывал услуги по адвокатской части. Тут надобно сказать, что в гражданской, то есть проистекавшей вне Тайного Суда жизни, наш председатель, не удивляйтесь, был известнейшим в России присяжным-поверенным – такие вот кунштюки (как не раз говаривал потом оный генерал) выделяет порой жизнь!

Письмо гласило:

Ваше высокопревосходительство!

Беру на себя смелость представить Вам моего близкого друга Георгия Петровича Конышева, коему очень многим обязан.

Покорно Вас прошу – в случае чего оказать ему Ваше милостивое покровительство.

Всегда готовый к услугам Вашего высокопревосходительства, –

Андрей Васильцев

Как я знал, его высокопревосходительство, несмотря на отставку, был в Одессе лицом могущественным, состоящим в близкой дружбе с самим генерал-губернатором, но, идя к нему с этим письмом, я чувствовал себя, как мальчишка, пытающийся подсунуть в лавке фальшивый купон – ведь это письмо Васильцев давал мне на случай, если у меня возникнут какие-либо непредвиденные сложности в делах Тайного Суда; но сейчас, действуя самочинно и находясь как бы в самовольной отлучке, я не был уверен, что имею моральное право на столь высокое покровительство.

Городская усадьба отставного генерала от артиллерии представляла собой большой трех-этажный дом, обнесенный чугунными решетками. Когда я позвонил в колокол, висевший над воротами, мне отворили два солдата с винтовками, но еще более меня удивили четыре пулеметных ствола – три торчали из окон бельэтажа, а четвертый – из верхнего окна. Да, генерал, похоже, готовился к серьезной обороне!

По зову солдат, навстречу ко мне из дома вышел, а точнее выковылял, престарелый лакей в лаковых туфлях, хромавший на обе ноги; на лице его отчего-то была изображена смертная мука, а глаза были полны слез, так что я уж было подумал – не почил ли нынче в бозе мой генерал?

Однако, прочтя мое рекомендательное письмо, плачущий лакей, преодолевая какую-то внутреннюю боль, проговорил:

– Милости прошу... Там, в кабинете... – и не в силах более ничего произнести, хромая, словно пританцовывая, препроводил меня в дом.

Генеральский кабинет был огромен и хорошо обставлен, но сейчас он скорее напоминал внутреннюю часть осажденной крепости: окна были заложены мешками с песком, из одного окна торчал заправленный лентой пулемет системы «Максим», а перед ним с бесстрастным видом восседал на табурете пулеметчик (почему-то одноногий); у стены стояло несколько винтовок, уставленных в козлы, а рядом – железный ящик, надо полагать, с патронами; на стенах висели мишени для стрельбы, некоторые свежие, некоторые уже истрелянные, причем истрелянные неплохо, большинство дырок виднелось вблизи «яблочка».

Его высокопревосходительство был сильно в летах, и, хоть одетый по-домашнему, вида самого что ни есть генеральского – с прямой спиной, с пышными усами и еще более пышными баками. При моем появлении он пробурчал что-то нечленораздельное и, вставив в глаз монокль, принялся читать рекомендательное письмо. Я же тем временем рискнул приблизиться к его письменному, чтобы разглядеть лежавший на нем огромный револьвер системы «лефоше», инкрустированный золотом, и обнаружил поверх золота надпись:

Подполковнику В. А. Богоявленскому, храбрейшему из храбрых, от ген.-лейтенанта Скобелева.

Плевна, 1878 г.

Когда генерал дочитал письмо, лик его просветлился.

– Стало быть вы – от Андрея Исидоровича! – воскликнул он и даже удостоил меня похлопывания по плечу. – Всегда, всегда готов ему услужить! Помню, в свое время...

Договорить он не смог – из-за моей спины послышался плачущий голос лакея:

– Помилуйте, ваше высок... ство... Нет больше мочи, хоть бы на полчаса дали передых!.. – на что генерал грозно отвечивал:

– Неча тут! Терпи!.. Пошел вон!

Охая, лакей удалился вприсядку. Когда он закрыл за собой двери, я спросил:

– У вашего лакея какой-то недуг? – и услышал в ответ:

– У Никитки-то? Да какой там, к черту, недуг! Просто плакса! Когда-то я таких...

– А плачет-то отчего? Какое-нибудь горе?

– Как же, горе у него! Туфли мои изнашивает – вот и все горе. – С этими словами он приоткрыл одну створку дверей и крикнул в коридор: – Ты не стой, не стой, ты ходи! Разнашивай! – И, оборотившись ко мне, проворчал: – Небось ругает меня в душе, а ругать бы ему надо фрацузишек этих!

Я лишь недоуменно взглянул на него, и тогда он пояснил:

– Заказал я себе эти туфли для важного случая аж в самом ихнем Париже, за немалые, кстати, деньги, – а что получил? Послал, стало быть, туда, в Париж, мерку (с меня ее здешний жид-сапожник снял), но ведь они в наших вершках не бельмес, у них там... как это?..

– Метрическая система, – подсказал я.

– Вот-вот. Ну хотя бы были дюймы, как у британцев (хоть и тоже дурни порядочные); уж в дюймах я как старый артиллерист как-нибудь разобрался бы. Нет, у них, понимаете, какие-то сантиметры да миллиметры. Ну я кое-как родные вершки в сантиметры эти перевел, да, видать, что-то в цифири напутал, вот вышли туфли тесные, такой вот кунштюк. Хорош я буду там, когда туфли давят, как испанские сапоги. А с Никиткой у нас нога – один к одному; ну вот и...

Я не успел спросить, где это «там». Двери снова распахнулись и в комнату вступила пожилая женщина, судя по всему, супруга его высокопревосходительства, тоже, как и лакей, вся заплаканная, но хотя бы не хромавшая и молящим голосом обратилась ко мне:

– Вы, я вижу, благородный и благоразумный молодой человек! Хоть бы вы уговорили его, старого, чтоб не ездил в такое время! Вон ведь что делается вокруг! В преисподнюю катимся – а он, вишь, собрался!..

– Извольте, Ироида Васильевна, замолчать! – твердо сказал генерал. – Что за дом такой?! Везде слезы вавилонские!.. Сколько раз говорил – это сейчас превыше всего! Par-dessus tout, vous comprenez?! И вообще – извольте оставить меня с молодым человеком наедине, он – от Андрея Исидоровича Васильцева.

Имя моего патрона произвело на Ироиду Васильевну немалое впечатление, она поспешно вышла и, лишь закрыв за собой дверь, разрыдалась в полный голос. К ее рыданиям генерал отнесся без большого сочувствия и проговорил:

– А все опять они, французы!

– ?!

– Развели, понимаете, свою эмансипацию да синематограф! Отсюда сами штук пять революций у себя учинили, вот теперь и к нам это лихо пришло!.. Все эмансипация да синематограф, да эта, черт бы ее, метрическая система!

При чем тут, во всяком случае, синематограф, тем более метрическая система, я решительно не понял, между тем генерал обратился к одноному пулеметчику, безмолвствовавшему на табурете перед «максимом»:

– И ты, Сидор, подь-ка отсюда.

Пулеметчик взял стоявшие у окна костыли и почти что строевым вышагал за дверь.

– Видите, – обратился генерал ко мне, – все делаю, чтобы на время моего отъезда Ироида Васильевна была в полной безопасности, времена все же – не приведи Господь!.. Тут на днях, было, всякая чернь еврейский погром пыталась учинить – так обычный бандит, тоже жидовских кровей, какой-то Мишка Япончик, с одним-единственным пулеметом в фургоне гнал всех погромщиков до самой Молдаванки; а уж тут, с такими-то орлами да с четырьмя

пулеметами!.. Нет, страшиться решительно нечего!.. Не смотрите, что Сидор одноног. Еще двое, кстати, тоже. Только четвертый, Тихон, при обеих ногах – а то ему на костылях в третий этаж взлетать неспособно. Но все – пулеметчики *classe supérieure*, имеют по Георгиевскому кресту с Русско-японской; там-то их япошки и поувечили, вот ему, дурню-полковнику, и революция, такой вот кунштюк, *vous aider à vous !* (Не нуждалось в пояснении, что он имеет в виду императора Николая Александровича.) Удивлены, – продолжал он, – что я увечных на службу взял? А это, если хотите, с моей стороны как бы *charity* (кажись, так британцы это называют). Пострадал за корону – получи себе на жизнь. А у нас – ковыляй на одной ноге да проси милости Христа ради. Так что, можно сказать, отчасти взял я на себя обязанность одного полковничка.

Как-то мне даже стало неловко, что сам я, хоть и раненный неоднократно, но оставшийся с обеими руками и с обеими ногами, получал от британской короны по нашим деньгам двадцать рублей в месяц, да еще при этом был не особо доволен судьбой. К тому же сейчас и эти деньги вообще были для меня сущей малостью, ввиду существенно большего жалования, получаемого мною от Тайного Суда. И в ту минуту я твердо для себя решил, что если меня не изгонят из Тайного Суда за мое нынешнее самовольство, то непременно тоже, по примеру генерала, займусь *thecharity* по отношению к увечным из солдатского сословия.

– Весьма благородно со стороны вашего высокопревосходительства, – вполне искренне сказал я.

Генерал лишь отмахнулся от моей похвалы и спросил:

– Выправка у вас, молодой человек, вижу, военная; а стрелять-то умеете?

– В некоторой степени, – поскромничал я.

Его высокопревосходительство взял со стола свой наградной «лефоше», прицелился шагов с двадцати и выстрелил в свежую мишень. Вполне сносно выстрелил, пуля попала между «восьмеркой» и «девяткой». Спросил:

– Хотите попробовать? – протягивая мне «лефоше».

– Мерси, у меня свой, – сказал я. Достал из кармана «люггер» и не целясь выстрелил.

В мишени по-прежнему оставалась лишь одно отверстие от пули. Генерал сокрушенно проговорил:

– М-да, «в молоко»... Бывает...

– А вы посмотрите поближе, ваше высокопревосходительство, – предложил я.

Генерал приблизился к мишени, вставил в глаз свой монокль, пригляделся и воскликнул:

– Bravo! Пуля в пулю! Второй раз в жизни такое вижу! В первый раз было под Плевой без малого тридцать лет назад... Да вам бы в цирке впору выступать, молодой человек!

Я поблагодарил его за похвалу и сменил тему:

– Вы, ваше высокопревосходительство, изволили говорить о своем скором отъезде?

– Так точно. Не далее как завтрашним курьерским отбываю в Санкт-Петербург... Понимаю, в такие времена... Однако, как видите, Ироиду Васильевну я безопасностью обеспечил; поездка же эта для меня, понимаете ли... Для меня это – превыше всего!..

– И уже дорожный билет имеете? – подбирался я к своему. – А то там, у билетных касс, чистая Гоморра.

– Ну, билет мне, положим, без надобности, – сказал он. – Костя Карамгозов (он когда-то под моим началом служил, а теперь эвон куда выслужился!), – он для меня свой личный салон-вагон предоставил... Вы, однако, не печальтесь, молодой человек, если вам какая нужда – я нынче же ему самому, Косте, телефонирую, он для меня все сделает. Как, впрочем, и я – для вашего и моего друга Андрея Исидоровича Васильцева... Или, быть может, у вас по денежной части проблема? Тогда это еще проще...

Он уже двинулся было открывать бюро, но я его остановил:

– Нет, нет, ваше высокопревосходительство, с деньгами у меня все в порядке. Помощь же ваша была бы для меня, действительно, просто неоценима! Я как раз имею в виду этот самый салон-вагон.

Генерал нахмурился:

– Отдать вам салон-вагон?.. Увы – но при всем моем уважении к господину Васильцеву... Для меня сия поездка – это... Это...

– Да, да, знаю – превыше всего!

Он кивнул:

– Именно! Par-dessus tout!..

Я поспешил заверить его, что на весь салон-вагон вовсе и не претендую, мне бы там – всего лишь какой-нибудь закуток, можно даже без спального места... Готов, коль угодно, даже в тамбуре!..

Лицо генерала просветлилось:

– «В закутке», «в тамбуре»!.. Да к чему же такой мизераблизм?! Там имеется и спальня роскошная, с перинами! Да и вообще – коротать дорогу с достойным человеком, а то можно же от скуки очучуриться!.. Скорей это вы окажете мне услугу, нежели я вам... К слову, и повара с собой беру, и лакея Никиту, так что до Петербурга будем ехать в полной комфортабельности.

– Ну, насчет полной комфортабельности... – усомнился было я. – Времена-то вон какие!

– Да, да, молодой человек! – ворвалась в кабинет Ироида Васильевна, явно подслушавшая под дверь. – Бандитствуют по дорогам!

– А это на что? – спросил генерал, крепко сжав в руке свой здоровенный «лефоше». – И штабс-капитан (он кивнул в мою сторону) стреляет преотменно. Да нападать на генерал-губернаторский салон-вагон с двуглавыми орлами по бокам кто ж рискнет?

От произведения меня в штабс-капитаны я не стал отказываться – путешествие с более низким чином для его высокопревосходительства было, надо понимать, тоже в некотором роде мизераблизмом.

– Так ведь с орлами – оно ж, глядишь, еще и хуже, – снова всплакнула его супруга, – революция же, как-никак, на дворе! – показав тем самым, что разбирается в нынешней политической ситуации несколько лучше, нежели ее золотопогонный супруг.

– Насчет орлов – это вы, матушка, напрасно! – надулся генерал. – Все мои победы были под этими орлами!.. А вы тут – со своей эмансипацией!

Ироида Васильевна нашла в себе силы сквозь слезы парировать и этот аргумент:

– А ну как рельсы разберут? Паровоз – он же не лошадь, он же без рельсов – никак.

Меня это, кстати, тоже немало заботило. Генерала, однако, ничто не могло урезонить.

– Паровоз, шмаровоз! – беззаботно сказал он. – Ничего, прорвемся уж как-нибудь! Да хоть бы и на перекладных доедем, ежели что!

– Да вы в каком веке живете, Валериан Валентинианович? – продолжала свою «эмансипацию» его супруга. – Какие сейчас перекладные, сейчас везде железные дороги, а железные дороги – они всегда с рельсами.

Его высокопревосходительство, в отличие от меня, нашел самый простой, хотя и не вполне ясный для окружающих ответный довод.

– Это потому, милостивая государыня, что теперь везде синематограф и эмансипация! – изрек он. – И вообще – кто вам, сударыня, дозволил слушать под дверь и вот так без стука входить?! Снова же – эмансипация синематограф! Je suis comme une révolution, madame, à son domicile ne permet pas! Извольте, сударыня, поэтому...

– Ну как дитё малое... – проговорила Ироида Васильевна и, лишь махнув рукой, вышла из кабинета.

После того генерал спросил меня вполголоса – видимо все же опасаясь «подслушки»:

– Это ничего, молодой человек, что я вас штабс-капитаном наименовал? Ежели вы изволите уже – в подполковниках или в полковниках, так вы уж простите меня, старика, великодушно.

– Нет, нет, ваше высокопревосходительство, – уклончиво сказал я, – ничуть не возражаю. Тем паче, что сейчас я – и вовсе по гражданской части.

– Жаль, право, жаль, – вздохнул он. – Уж с вашими-то способностями! Однако, *Je vous comprends bien* – армия сейчас, конечно, далеко, далеко не та... М-да... Вот теперь и расхлебываем!.. Не буду спрашивать, по какому ведомству изволите служить, захотите – сами как-нибудь расскажете, а нет – так мне и одной рекомендации от Андрея Исидоровича вполне довольно... А покуда, если вам не претит, дозвоьте так и называть вас штабс-капитаном, так оно будет проще.

Разумеется, я дозволил.

Беседа наша явно подходила к концу. Напоследок, после затянувшейся паузы, генерал – явно просто дабы чем-то заполнить возникшую пустоту – проговорил:

– А тут еще какой-то Аспид Черный появился... Вот же имечко себе придумал, злодей! Это все – из синематографа!.. Ну, что он вице-губернатора прикончил – то, может, оно и правильно, поделом! Слыхал я уголком уха о художествах этого «вице», от его кончины Косте Карамгозову в реальности одно только вспомоществование; а вот как он с жиденком расправился (читали небось?) – это уж из всех мерзостей мерзость!.. На любых аспидов, хоть черных, хоть буро-малиновых, у нас всегда вот это имеется! – и он опять потряс своим «лефоше». – Верно я, штабс-капитан, говорю?

Я подтвердил, что вернее быть не может, и уже собирался откланяться, но тут вдруг генерал с некоторым смущением спросил:

– Еще один вопрос, штабс-капитан... Пардон, конечно, ибо вопрос, так сказать, несколько нескромный.

– Слушаю вас...

– Вы, пардон, не изволите ли храпеть по ночам. Сам-то я сплю как младенец, супруга сказывает, оттого чужое храпение для меня...

Я сказал, что вроде бы – нет, во всяком случае, никто до сих пор не жаловался.

– *C'est bon*, – кивнул генерал, хотя явно мои «вроде бы» и «до сих пор» не полностью удовлетворили его.

Напоследок его высокопревосходительство напомнил мне, когда отбывает курьерский на Санкт-Петербург, с тем я и вышел, с особым жаром поблагодарив генерала, ибо, действительно, лучшего результата от этой встречи для меня и быть не могло.

Дверью я едва не сшиб Ироиду Васильевну, все-таки, несмотря на запрет супруга, явно снова подслушничавшую, благо, его высокопревосходительство, хоть и отправился меня провожать, не заметил этого «синематографа».

В коридоре он снова накинудся на лакея Никиту:

– Сказано тебе – ходи, все время ходи! А ты?

– Да уж мочи никакой, ваш-вы-ство, эту вивасекцию переносить. Уж когда эта мука...

– Ничего, ничего, чай, не помрешь. Завтра наденешь свои штиблеты.

– Уж скорей бы!.. Ох, Господь милосердный!..

Тем временем Ироида Васильевна тихо зашептала мне в ухо:

– А ежели он ночью храпеть начнет, вы, господин штабс-капитан... Вы свистеть умеете? Я кивнул.

– Вот и посвистите ему потихоньку, иногда чуть-чуть помогает... А то я, покуда не додумалась, – уж таких страстей натерпелась за сорок лет!.. И еще они иной раз по ночам... ходят.

– В смысле – по нужде? – не понял я.

– Да нет, безо всякой нужды. Это у них уже сорок лет, после контузии. Бывает, вот встанут и ходят. И еще при этом кричать изволят всякие слова, так что уж вы, молодой человек, не пугайтесь, коль случится. И сделайте такую Божию милость, уложите его, успокойте, – он себе и будет дальше почивать, а наутро не вспомнит ничего.

Я пообещал, что непременно так и поступлю.

– Храни вас Господь!.. Им бы к доктору надо, но разве ж они дозволят? – вздохнула она, но тут раздался голос генерала, подошедшего к нам:

– Что ж, до завтра, штабс-капитан. – Он удостоил меня рукопожатия.

И, уже уходя, я услышал сзади что-то про синематограф и эмансипацию.

* * *

...По всей России участилась остановка немногих еще следующих по своим маршрутам поездов. Иногда это делается по приказу некоего самозванного ВСЖ, а иногда – просто бандитскими шайками, нынче многочисленными и окрепшими за время затянувшейся всероссийской смуты...

* * *

...что самым опасным за последний месяц оказался маршрут, идущий от Одессы. Именно там, между Одессой и Бессарабией, действует обнаглевшая банда известного Котовского...

...Нажива грабителей на этом маршруте особенно велика, ибо много весьма состоятельных людей, чаще всего иудейского вероисповедания, страхась погромов, покидает город...

...также подвергнутых надругательствам женщин и юных барышень...

* * *

...и уже нынче салон-вагон одесского генерал-губернатора, действительного тайного советника г-на Карамгозова, прицепили к завтрашнему курьерскому, следующему на Санкт-Петербург.

Неужели впрямь все представители государственной власти вскоре покинут наш некогда прекрасный город?!

4-я глава

Страшные старые знакомцы. – Фекалии на карете. – Толстовец Балув. – «Мон женераль». – Ученик шулера.

Увы, в эти мрачные времена на одесском вокзале не играла музыка, а столпотворение на перроне было такое, будто начинается библейский Исход. Губернаторский салон-вагон располагался в самом начале состава, первым после паровоза, так что идти мне пришлось довольно далеко, проталкиваясь сквозь толпу, благо, я был налегке, имея при себе лишь небольшой дорожный саквояж. Со стороны вагонов слышались мольбы людей и жесткие ответы проводников: «Без билетов – никак, господа!.. Никоим образом, господа!.. Уберите ваши деньги, милостивый государь – поверьте, решительно не имеется никакой возможности!.. – А в иных случаях и просто: – Отвали, холера, не то щас!..» Тем временем вокзальная обслуга и полицейские нижних чинов, вооружившись специально изготовленными из больших палок орудиями в форме огромной буквы «Г», сметали с вагонных крыш налипшую на них публику, но это было так же бесполезно, как выметать с пола тараканов; не прошло и двух минут, как очищенные крыши вновь бывали облеплены людьми. У зеленых вагонов третьего класса, прицепленных в заднем конце состава, толпа была еще гуще, там роилась и рвань вполне биндюжного вида, и

мешочники, и вполне достойные господа, некоторые с пейсами, в шляпах и в лапсердаках. В общем, чистый синематограф, как сказал бы мой генерал.

Когда, уже приближаясь к нашему салон-вагону, я проходил мимо одного из вагонов первого класса, вдруг увидел... Или мне только показалось?..

Увы, не показалось, ибо знакомый запах квашеной капусты на миг ударил мне в нос. Да, в вагон степенно поднимались именно они, – я узнал их, хотя сейчас на них были цивильные костюмы, а не тронные одеяния; – один с чудовищным горбом, другой – с какими-то отвратительными нахлобечками на лице. Должен без хвастовства сказать, что я мало чего боюсь в нашем мире, но при виде этих двоих что-то у меня внутри на миг похолодело.

Два урода перекинулись между собой какими-то словами, и готов поклясться, что я услышал те самые слова: «Ыш абарак бузык»... Еще миг – и они скрылись в вагоне, оставив на перроне лишь капустный смрад.

И тут я должен изрядно отвлечься, дабы рассказать...

(Опущу здесь весьма затянутый рассказ Георгия Петровича и, пожалуй, заменю его двумя вырезками из журналов, относящихся, правда, к октябрю 1917 года, но содержание, в сущности то же самое. – Ю. В.)

* * *

Мир наш причудлив, в него, как в матрешку, вложены многие миры, и кажется, несть им конца. Но вот случилось так, что вашему покорному слуге удалось проникнуть в самый нижний из миров, ниже которого, наверно, только сама Преисподняя, а может, он сам Преисподняя и есть.

Какую власть мы можем считать самой древней? Власть египетских фараонов, каких-нибудь шумерских царей? О, нет, их власть преходяща и далеко не так уж прочна. Есть иная власть, уходящая корнями в глубь самого человеческого естества. Это – власть Голода. Она была всегда и везде! Нищета и помойки – вот символы этой власти.

Неизвестно когда возникла их империя, но, поскольку свято место пусто не бывает, еще в немыслимой древности эта безликая власть воплотилась во вполне зримых властелинах. Они именуют себя Королем Нищих и Императором Помоек. Безусловно, их династии – самые древние на Земле.

Невозможно очертить границы их царств, ибо едва ли существует в мире место, где нет ни помоек, ни нищих. Там есть даже свой язык, столь древний, что он вряд ли знаком хоть одному лингвисту.

Власть монархов безмерна, их личные богатства поистине неисчислимы. Хотя их подданные живут в полной нищете, они, как пчелки, неумоимо несут в казну заработанные ими грошки, центики, сантимы и т. д.

Горе тому, кто навлечет на себя гнев монархов. У него не будет ни малейшей возможности скрыться, ибо их подданные – везде, нет такого места, где они не смогли бы настигнуть провинившегося, а последующая за этим казнь поражает воображение своей жестокостью.

Монархов отличают династические уродства – у кого третий глаз на брюхе, у кого врожденный горб. У знати рангом пониже уродства менее заметны – у одних по шесть пальцев, у других рудиментарные хвосты, и проч.

Монархи беспрерывно меняют свое местонахождение, но с уверенностью можно сказать: они всегда там, где сильнее голод, где страшнее озлобленность народа, где больше нищеты и убогости...

(Одна страница, видимо, утеряна, осталось только самое окончание статьи. – Ю. В.)

...этих монархов, имена которых с веками не меняются: Лука и Фома
...Бедная Россия! Именно ты теперь стала пристанищем страшных уродов! Именно здесь звучит их клич: «ЫШ АБАРАК БУЗЫК! », слышанный мною здесь, в Петрограде, уже не раз.

О том же, как я проник в их чертоги и о быте и нравах подземных царств и о многом другом читайте в моих следующих публикациях.

N. N.

* * *

(Из статьи, опубликованной в той же газете на другой день после предыдущей)
...с прискорбием сообщить о трагической гибели одного из лучших журналистов России, публиковавшегося под инициалами N. N. Подлинное имя его Иван Петров-Разумный.

...не считаясь ни с какими опасностями, проникал туда, куда был заказан путь малодушным...

...в том числе и его последнюю публикацию, касающуюся Королевства Нищих и Империи Помоек...

...с переломанным позвоночником, не в силах шевельнуться, был заживо съеден крысами. К груди его была приколота записка: «Уроды не мы, ты сам урод! Ыш абарак бузык!»

...Светлая память о нашем товарище...

(Дальше оборвано. – Ю. В.)

* * *

(Г-н Конышев продолжает)

...Да, это были, безусловно, они, те самые короли подземного мира!

Впервые, едва начав служить в Тайном Суде, я услышал о них от Андрея Исидоровича. Оказывается, за свою многовековую историю Тайный Суд не раз, хотя и весьма редко, вступал во взаимодействие с подземными монархами (на то были разные причины). Иногда требовалась их помощь, всегда не бескорыстная с их стороны (даром эти монархи ничего не делали), иногда же между ними и Судом начиналась подлинная война, всегда весьма кровавая.

Увы, моя первая встреча с ними, происшедшая примерно полтора года назад, пришлась именно на этот период боевых действий, и помимо довольно страшных воспоминаний, я вынес на себе из их подземелья не менее страшные отметины на теле – следы мучительных пыток, включая выдранные калеными щипцами куски мяса на своих боках, – такую вот память оставили они мне о себе, неотделимую от всегда присущего им почему-то запаха квашеной капусты. Также увя, Андрей Исидорович перед моим отбытием в Одессу не посвятил меня, в каком периоде нынче находятся наши с ними взаимоотношения. Если по-прежнему во втором – то попутное соседство с ними не сулило ничего хорошего.

Вдруг пробежала мысль: а что если Черный Аспид действует под их покровительством? Тогда нынешние дела мои обстояли и вовсе довольно худо...

Впрочем, это было не слишком похоже на них: уж слишком громкими были злодеяния этого самого Аспида, а монархи не любили шума вокруг своих имен.

Ну а если они все же сменили свой thestyle ? Что же, я в этом случае отступлюсь от задуманного – покарать Черного Аспида? И я твердо решил для себя, что сему не бывать – не отступлюсь ни при каких обстоятельствах. Это – Par-dessus tout! (Лексика моего генерала, как видите, понемногу входила в меня.)

Генерал-губернаторский конный экипаж с орлами стоял на самом перроне, лишь ему такое дозволялось. Из экипажа четверо дюжих носильщиков перетаскивали в салон-вагон тяжеленные сундуки, чемоданы, баулы и прочий скарб, да, его высокопревосходительство

основательно снаряжился в дорогу; делали они это под строгим присмотром лакея Никиты, если все еще и прихрамывавшего на обе ноги (видно, давали о себе знать набитые вчера мозоли), то уже – лишь едва-едва.

Сам генерал, облаченный в белоснежный мундир с золотыми погонами, увешанный кучей орденов (тут были и «Георгии» аж трех степеней, и «Владимир» на розовой ленте, и «Станислав», и какие-то ордена иностранного происхождения), тоже топтался возле экипажа, вероятно, в ожидании меня. Рядом с ним топтался какой-то худой субъект довольно унылого вида, лет тридцати, с жиденькой бородкой, в рубахе-толстовке.

От остального состава губернаторский салон-вагон ограждал кордон полиции, но несмотря на это, какие-то инвалиды недобро грозили в сторону экипажа своими костылями.

Когда я приблизился к кордону, генерал кивнул, и меня пропустили. Вид у его высокопревосходительства был весьма хмур, а от экипажа почему-то исходило отвратительное амбре, в котором угадывался смрад фекалией. После минуты молчания генерал наконец произнес:

– Это надо подумать! В генерал-губернаторский экипаж... в орлов Российской Империи – и самым натуральным говном! Каково?!.. Хотел, право, всех перестрелять, да рука не поднялась: детвора!..

Оказывается, по дороге одесские мальчишки обкидали карету дерьмом (надеюсь, мой генерал уже начинал понимать отношение к орлам в наступившие времена).

Затем генерал поманил меня чуть подальше и зашептал:

– Вы, кстати, оказывается, большую услугу мне оказали.

Я лишь посмотрел на него вопросительно.

– Да, да, преизрядную услугу... Видите вон того... гм... господина? – Он украдкой кивнул в сторону субъекта в толстовке. – Какой-то родственничек Ироиды Васильевны, седьмая вода на киселе, некий господин Балует. Тоже ему, видите ли, приспичило в Санкт-Петербург. Ироида его прежде в глаза не видела, но, добрая душа, упросила меня. Так бы его, – родня супруги все-таки, – пришлось бы на ночь к себе в спальню забирать; а тут – пардон! Место уже вам обещано!.. Ничего, пусть мается в каюте для прислуги, там одна койка свободная. Как-нибудь перетерпит, не велика птица!

Шептал он довольно громко, господин в толстовке вполне мог кое-что из этого слышать, но его высокопревосходительство сие мало заботило.

– А письмо какое-нибудь рекомендательное у него при себе было? – гораздо тише спросил я. – Уж коли его прежде в глаза не видел...

Генерал беспечно махнул рукой:

– Да какое письмо! Не брал он никакого письма – не знал же, что оно так нынче выйдет с билетами. Ну да ладно, родственничек такой, Ироиде известно, в самом деле у нее имеется. Тут хуже другое...

– Что именно?

– А вы полюбуйте на него! На рубаху эту! Чистый толстовец! И мяса тоже не ест! Ироида было хотела его угостить по-родственному, так он ни к чему, кроме капусты да хлеба не притронулся: видите-ли, вегетарианец, как граф Толстой: мясо убиенных животных кушать, видите ли, грех! Ну как такого за стол сажать с порядочными людьми?! Вон, взял с собой в дорогу целый куль со всякой морковкой да яблоками. Тьфу!.. По мне, ты сперва, как граф Толстой, повоюй в артиллерии, потом «Войну и мир» напиши, а дальше уж – пожалуйста себе – вегетарианствуй, коли не стыдно людей смешить!

Это уж генерал произнес нарочито громко, но господин Балует отвернулся и по-прежнему усиленно делал вид, что ничего такого не слышит.

Мы поднялись в салон-вагон через парадную дверь (имелась тут и такая). Роскошество передвижных апартаментов генерал-губернатора меня вызвало восхищение. Его высокопревосходительство провел меня через столовую на дюжину персон с уже накрытым столом, со

шкапами, полными фарфора и хрусталя; далее следовал кабинет, отделанный ореховым деревом, с большим письменным столом и водруженным на нем глобусом земного шара, затем шла спальня с двумя двуспальными одной двуспальной, другой односпальной, с двумя гардеробами и с огромным трельяжем.

– Эту коечку я велел для вас поставить, – сказал генерал, кивнув на односпальную кровать. – Ничего, что придется вам потесниться? – Это мне-то, находившему себе кров и на голой земле под вой шакалов среди вонючих малярийных болот Трансвааля!

– Ваше высокопревосходительство! – лишь сумел выдохнуть я.

За следующей дверью, как он мне объяснил, располагались два ватерклозета, ванная комната и умывальня с душем, обе снабжались всегда подогреваемой титаном горячей водой. По другую сторону вагона, находились, как он же мне сообщил, четыре каюты для прислуги, отделенные от губернаторских покоев дверью со звонком, а за ними – еще две каюты для вооруженной охраны, которая, числом в четверо солдат, как он сказал, уже на своих местах.

– Костя Карамгозов настоял-таки, – вздохнул генерал. – Сколько я не отнекивался, но он – никак, мол, иначе по нынешним временам нельзя.

Что ж, между нами и подземными монархами все же была некоторая зона безопасности. Впрочем, это приносило слабое утешение, ибо я знал, что они и не такие преграды запросто преодолевали.

– Да, вот еще... – смущенно добавил генерал. – Я – насчет умывален. Дозвольте, штабс-капитан, я себе выберу ту, которая с ванной, люблю иногда, знаете ли... А вы молоды, вам и в душевой кабине... Приношу, конечно, свои глубочайшие извинения за неудобства...

И это он называл «неудобствами»! Снова мне оставалось лишь выдохнуть:

– Ваше высокопре!... – но он меня перебил:

– Кстати, насчет этих «высокопревосходительств»... Право, слишком длинно звучит, не слишком удобно вести беседу, а дорога дальняя... Как бы вам меня?..

– Быть может, Валерианом Валентиниановичем?

– Да тоже длинновато. Был бы Иван Ивановичем – еще куда бы не шло, но вот же, снабдили родители... – Он немного подумал и наконец озарился догадкой: – Ага, вот! «Mon général»! Так оно будет и коротко и вполне достойно, – не возражаете?

– Слушаю-с, мон женераль! – по-военному щелкнул я каблуками.

– Voilà l'idée! – порадовался он найденному выходу. Я же порадовался не меньше него.

Мы в это время находились в кабинете, и тут вдали раздался звонок, а минуту спустя, постучав в дверь, к нам из столовой вошел Никита.

– Ну?! – рыкнул мон женераль, лишь в подобных тонах, видимо, привыкший общаться с нижними чинами.

– Там... к вам, ваше-ство. Двое, по виду приличные. Изволите проводить?

Генерал лишь подал знак – давай, мол.

Никита вышел, и в кабинет вступили двое в штатском, в самом деле весьма прилично одетые. Один имел волосы, черные как смоль, другой – беловолосый (в тот миг я еще не придал значения этому обстоятельству).

– Ротмистр Охранного отделения де Бертъе! – щелкнул, как и я, штатскими каблуками брюнет.

– Прапорщик Охранного отделения Волынцев! – отрапортовал блондин.

– Ну и что с того? – побурчал мон женераль. – Ежели вы, господа желаете проситься в попутчики, так это – никак, тут уже всё в комплекте. Так что, господа...

– Никак нет, ваше высокопревосходительство! – вклинился тот, что назвал себя де Бертъе. – Мы – по приказу его высокопревосходительства генерал-губернатора Кармагозова! Велел, дабы мы...

– Берегли как зеницу ока, – вставил блондин Волынцев. – Сказал, что отвечаем головой!

– Вот уж этот Костя, вот уж неугомонная душа!.. – вздохнул генерал. – Но – приказ... м-да... я понимаю, господа офицеры... Однако ничего более, чем каюту для прислуги предоставить вам не могу. Так что уж не обессудьте. Там, правда, еще один... гм... господин с нами следует, так что придется кому-нибудь из вас – на верхнем лежаке.

– Ничего-с, ваше-ство, разместимся.

– Благодарим, ваше-ство!

– Ступайте, Никита вас проводит. – Когда они удалились, генерал сказал мне: – Не здесь же их оставлять. Ох, не люблю, право, этих альгвазилов из Охранного!.. Я бы вам такого про ихнюю службу порассказал!..

Но тут раздался звон вокзального колокола (уже в третий раз), и состав двинулся в путь сквозь гудевшую на перроне толпу.

Некоторое время мы молча смотрели в окно, затем генерал подошел к письменному столу и принялся крутить глобус, а затем произнес куда-то в пространство:

– Дурак!.. – И после паузы пояснил: – Я про нашего горе-полковника. Право, истинный дурень! Япония-то – во (он показал кончик пальца), а Россия-матушка – во (он широко развел руками); и они нас – как детей малых! Да я б этому полковнику батальоном не доверил командовать (хоть он и как раз батальоном-то прежде и командовал) – а тут целая армия, да еще флот! Ту разве какой-нибудь горе-полковник нужен? Тут... – и по его виду каждому стало бы ясно, кто был нужен для командования в той войне, дабы она не завершилась постыдным поражением и нынешней революцией. – М-да, – продолжал он, – не война была, а чистый синематограф. У япошек-то порох «шимоза», да немецкие пушки на линкорах, кои прицельно на десять верст бьют, а у полковника нашего, у Коли Ананаса ... (Ай да генерал!) Эх... – тяжело вздохнул он. – Вот и получили вместо победы... Цусиму, да увечных, говорят, чуть не сто тысяч, да революцию, да новоиспеченного «графа Полусахалинского» .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.